

Николай Николаевич Селезнев, 1971–2021[1]

В НАЧАЛЕ мая этого года в моем телефоне раздался звонок. Не успел распознать номер, ответил. Услышал в трубке совершенно незнакомый, хриплый, приглушенный, какой-то мучительный голос, дозирующий слова короткими фразами: «Александр Сергеевич, добрый день. Это Селезнев. Николай Селезнев. Я из больницы. Я в реанимации. Я в реанимации

1. Фотография взята с сайта Высшей школы экономики.

с ковидом. Моя статья. Я хотел бы спросить о моей статье. Она готова. Она будет?» Я ответил механически, что да, статья давно готова и должна выйти в ближайшем номере. Я говорил намеренно деловым тоном, как и положено отвечать на деловой вопрос, и только позже понял, что это была некая тактика защиты с моей стороны — защиты от эстраординарности момента, требовавшей какой-то другой интонации; защиты даже от просвечивающего в этом разговоре — при всей его повседневной тривиальности — какого-то трагического абсурда. Конечно, наихудший исход я автоматически исключал в этот момент, да и после; но голос Николая был не просто такой, которого я никогда не слышал, но и... совсем другой. Он сказал: «Спасибо. Мне трудно говорить. Простите». И повесил трубку.

Он умер через несколько дней.

У нас было много разговоров, особенно в бытность его в РГГУ; позже много общались по поводу его работ в нашем журнале. Хотя разговоры все более профессиональные и деловые, но и личность, конечно, проявлялась. Он был (...неужели в прошедшем времени...) суперпрофессионалом, образцом академической культуры. Он был пропорционален и систематичен, аккуратен и обязателен, безукоризненно точен. Настоящий филолог и историк классического замеса. Центральная фигура — на мировом уровне — в области ближневосточной медиевистики: начиная с истории сирийской христианской культуры, он двигался и вглубь, и вширь, в последние годы работая над культурными перекрестками — глубинными взаимодействиями между исламом, христианством и буддизмом; стал частью востоковедной классики. Он был вежливо доброжелателен, чуть старомодно обходителен и комплиментарен, при этом немного закрыт и сдержан, но всегда готов сострить и рассмеяться (и да, улыбка почти всегда на лице, как я запомнил!). Его компанией были сирийские, арабские и индийские философы, богословы, книжники — они потеряли в нем доброго и проницательного собеседника. Но вот еще одно: классик-книжник, да, но — никакой архаики: он столь же органично ощущал себя внутри современной цифровой культуры, как и в хитросплетениях старых текстов.

В этом номере журнала — та самая статья, о которой шла речь в последнем нашем разговоре. Образец его метода и авторитета. Образец все той же безупречной академической культуры. Очередная статья...

А. Агаджанян

Кратко о Николае Селезневе:

Специалитет: религиоведение (2005, Центр изучения религий, Российский государственный гуманитарный университет); кандидат исторических наук (РГГУ, 2006); доктор филологических наук (НИУ Высшая школа экономики, 2020).

Книги: «Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк» (2001); «Христология Ассирийской Церкви Востока» (2002); «Несторий и Церковь Востока» (2005), «*Pax Christiana et Pax Islamica*: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке» (2014); «Йоханнан Бар Зо'би и его "Истолкование тайн": Критический текст, перевод, исследование» (2016); «Книга собеседований Илии, митрополита Нисивина, с везиром Абу-л-Касимом ал-Хусайном ибн 'Али ал-Магриби и Послание митрополита Илии везиру Абу-л-Касиму» (2018), «„Книга общности веры" — средневековый восточнохристианский экуменический трактат» (2018).